

Дневник вольноопределяющегося, пулеметчика 1-го Ливенского полка Дмитрия Соломина.

«19 октября.» ... Мы двинулись вперед под аккомпанемент рвущихся неприятельских снарядов. В городе они как-то не имеют такого эффекта, как в открытом поле. Возможно, потому, что каждый дом кажется хорошей защитой.

Не доходя до Павловской Слободы, свернули налево. Идем самым высоким красносельским холмом. Холмы идут уступами к Петрограду.

Вид поистине великолепный. Прямо перед нами Финский залив, а немного правее, чуть-чуть в дымке, Петроград. Буквально все на ладони. Видно даже без бинокля. Исаакий своей темной позолотой купола возвышается и выделяется по-прежнему. Разве немного стал темнее.

Левей Петергоф на небольшом холме, окруженный полями. Боже, как близко мы у цели! Всего 25 верст осталось до Петрограда. Если бы не надо было идти, то с наслаждением простоял бы на холме целый день, рассматривая в бинокль окрестность. Вдали, на берегу залива, Ораниенбаум...

Всю поэтическую местность нарушает грохот большевицкой артиллерии. Стреляют по шоссе от Красного к Стрельне. В полях то там, то здесь снаряды вздымают столбами черную вспаханную землю. Спускаемся с первого уступа на второй. Лишь только наши второй и третий батальоны вышли за деревню к Владимировке, как оттуда поднялась стрельба. Наш батальон еще в деревне. Я занят тем, что ем кочерыжки от кочна капусты, срезанного с одним из огородов.

Владимировка взята... Впереди Сергиев погост, но он еще в девяти верстах, а теперь мы должны взять дачи. На протяжении девяти верст они стоят отдельными усадьбами недалеко друг от друга. Оттуда-то и идет стрельба - упорная и сильная. Это засели коммунары.

Пленные во Владимировке показали, что их три тысячи. Сначала они сделали такой предательский маневр: вышли навстречу с белым флагом, подняв руки вверх, и, когда наши, не подозревая их уловки, подошли поближе, красные бросились в канавки и оттуда начали стрельбу. За ними был спрятан пулемет, из которого открыли огонь. За свою доверчивость мы заплатились двумя убитыми и несколькими ранеными.

Наши озверели. Сломив сопротивление, бросились в штыки на первую усадьбу. Наш батальон бежит на помощь. Усадьба очищена от коммунистов нашим первым головным батальоном, несмотря на сопротивление. Они настолько упорно держатся, что приходится брать каждый дом отдельно и вытаскивать прямо за шиворот стреляющих в упор и бросающих гранаты коммунистов.

Подбегая к первым домам, мы видим только валяющихся убитых около мостика, в канавах и на дороге. В стороне санитар перевязывал одного нашего раненого. Осколок гранаты разорвал ему живот. Сквозь бинт кровь проступает алыми пятнами. Кишки, вывалившиеся наружу и наспех сложенные обратно, в некоторых местах торчат из-под бинта как розовая гофрированная бумага. Бедняга сильно страдает. Лицо искажено от боли.

Из усадьбы - роем пули. Земля взлетает от разрывающихся снарядов, но в жару ничего не замечаешь. Скорей бы, скорей добраться до усадьбы. Чем ближе к неприятелю, тем больше шансов на успех.

По полю лежат мертвые - бежавшие с первой усадьбы и настигнутые нашими пулями. Около дач маленький лесок. Каждый домик - крепость. Пулеметы работают с крыш, из окон, из-за всякого прикрытого места и угла. В одном из окон видна фигура стреляющего товарища, но вот он, как-то глупо кивнув, исчезает. Убит...

Наши «ура» не кричат. Работают с крепко сжатыми зубами. По-моему, без криков должно казаться гораздо страшнее. Сопротивление также встречаем упорное. Работают иногда штыками. С одной крыши снимаем забравшегося с пулеметом товарища. Один из них колбасой с пробитым черепом падает вниз.

Около дач на шоссе, где больше всего было засевших, убитые лежат один на другом. О взятии в плен никто не заикается. Пленных нет...

....Ночь с 20-го на 21-ое октября. Сергиев погост. Ночью красные ползли на нас, сделав предварительно артиллерийскую подготовку. Наши постовые, стоящие впереди, прибежав, сообщили о виденных ими густых цепях неприятеля.

Вот слышны их крики. Пехота открывает стрельбу. На правом фланге работает пулемет. Мы молчим. Ждем приближения. Темнота такая, что не видно даже другую сторону шоссе.

Бронепоезд, приехав, лупит снарядами по нашей позиции. Наша батарея отвечает.

В перерывах стрельбы слышно, как ломаются кусты под ногами красных. Мне почему-то вспоминается епископ Гапон у Жуковского. Действительно, красные лезут, как крысы...

От нервозности ожидания закуриваем с Субботиным папиросы... Наконец, нора открывать огонь. Господи, только чтобы не было задержек... Становлюсь на колени и стараюсь как можно правильнее подавать ленты. Степа нажимает на спусковую кнопку и медленно еле заметно ведет рассеивание...

Сквозь стрельбу «ура» красных доносится, как писк комаров. Наши все время пускают ракеты, чтобы хотя бы на минуту увидеть местность. При свете видно, как по кустам бегут они. Какая их масса... От нашего сильного огня их цепь сбивается отдельными группами. Это чисто стадное, инстинктивное чувство во время ужаса скупиваться. Благодаря этому они еще более терпят урон. Удобно стрелять по группам.

Боже, до чего они близко...

Вода в пулемете уже кипит. Мы успели выпустить пять лент. Пар белым столбом валит из паротводного отверстия кожуха. Доливать воду нет времени. Едва успеваем стрелять. Были несколько раз задержки, но Степа умелой рукой быстро их устранил.

Пехота заметно волнуется, и при каждой остановке пулемета по цепи тревожно передают вопрос: «Что с ним?..»

Ракеты приходят к концу. Теперь работаем в полной темноте. Не знаем, далеко ли неприятель... От орудийной, пулеметной и винтовочной стрельбы стоит ад.

Почти напротив в канаве по другую сторону шоссе, шагах в 25 от нас, замечаем маленький огонек.

- Степа! Видишь? - Пулемет! - кричу я, стуча ладонью по каске, ибо не слышу даже своего голоса от непрекращающейся ни на минуту стрельбы. Показываю на огонек пальцем. Степа направляет туда пулемет и держит без рассеивания, пока огонек не потухает. Попало чертям!

Какова наглость?.. Подвели пулемет на несколько шагов и открыли огонь. Они, по всей вероятности, думали, что мы не на шоссе, а в лесу. В одном месте из-под самого носа выскакивают несколько фигур. Одни из них падают на шоссе, убитые пулями, а трое, споткнувшись на насыпь окопа, валятся в него, где их сейчас же прикалывают штыками.

Но вот, видимо, обессилевший противник отступает. Это видно теперь при свете горящего здания. Станцию подожгла наша батарея. Стрельба утихает понемногу. Вздыхаем с облегчением. Первый, самый страшный натиск отбит.

Время атаки пролетело настолько быстро, что я удивился - отчего потухла моя закуренная в начале боя папироса.

- Дурень, - говорит Степа, - да прошло ведь больше часа, мы успели выпустить 12 лент.

В наступившей теперь тишине слышно, как на перекрестке тихо-тихо работает машина нашего броневика. Он привез нам патроны и ленты. Как приятно узнать, что он здесь, и как действительно нам нужны патроны!

Побежали к тому месту, где был замечен большевицкий пулемет. Он тут голубчик и стоит. Около валяются убитые. Притащили в окоп. У пулемета пробит кожух. Это ничего. Заткнув дырку, чтоб вода не протекала, стрелять можно.

Теперь будем работать так: я с Субботиным и Фогель с Шишовым немного левее.

Впереди стонут раненые. Один из них совсем близко.

- Голубчики, помогите, - стонет он.

- Ползи сюда, - кричат наши.

- Не могу.

Несколько солдат идут к нему. Принесли. Хотим узнать что-нибудь о неприятеле. Осматривают фельдшер и санитар: нельзя ли перевязать, но он безнадежен. Ранение в живот и оба колена разбиты пулями. Одна нога держится на каких-то волокнах из мяса по бокам. По всей вероятности, работа нашего пулемета, ибо как раз лежал против нас, а по ранению видно, что пулемет: несколько пуль....

....25 октября. Ночь была холодная. Застывшая грязь и трава хрустит под ногами.

Впереди па лошади едет генерал Раден. Его белая папаха выделяется на фоне защитных шинелей и касок. По наружности он орел. У него длинная худая жилистая шея, седые пушистые усы, не скорбные, а вздернутые вверх, горбатый нос и серые, стального цвета глаза старика под нависшими бровями. Он жилистый, крепкий, с хорошей выправкой. Всегда, как Скобелев, на белой лошади, в белой папаше и всегда с нагайкой. Он любит наш полк и боготворит его до безумия.

На горе - Русское Копорское. Въезжаем па последний перед нею холм. Стрельба начинается.

Оставив за холмом двуколки, рассыпавшись цепью, идем вперед. Деревня занята без особого затруднения. От Высоцкого идет ровное поле. К Петрограду с обрыва спускается дорога, за обрывом лес, кое-где проглядывает в его прогалинках шоссе, то самое, па котором мы стояли под Сергеевым погостом.

Вид Петрограда великолепен. Синее море. Кронштадт как раз напротив в дымке, скрывающей его от зрения, в бинокль заметны финские берега, а налево Петергоф, а еще левее поля Красной Горки. Но это уже так далеко, что кроме желтых пятен ничего не разобрать....

.... Отдыхать будем до 12 часов, а потом пойдем па Петергоф. Крестьяне говорят, чтобы мы не шли прямо, так как па опушке леса шикарные, сходящиеся клипом окопы матросов с проволочными ограждениями в несколько рядов.

Сидя у пулемета, люблюсь видом Петрограда...»

(Записи в дневнике оборвались на этих строках. Несколько часов спустя Дмитрий Соломин был тяжело ранен во время неудачной атаки 17-го Либавского полка на Русское Копорское.)20

Ударник Ревельского отряда (из журнала «Солнце России»).

Пулеметчики Гольдмань и В. Руденко.

Генерал-майор барон Ф.В. Раден

Капитан К.И.Дыдоров, 1918 г.